

мари́на москвѣ́на

ВАЛЬСИРУЮЩАЯ

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Марина Львовна Москвина

Вальсирующая

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51810823

Вальсирующая : повести, роман / Марина Москвина: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-122129-4

Аннотация

Марина Москвина – автор романов “Крио” и “Гений безответной любви”, сборников “Моя собака любит джаз” и “Между нами только ночь”. Финалист премии “Ясная Поляна”, лауреат Международного Почетного диплома IBBY.

В этой книге встретились новые повести – “Вальсирующая” и “Глория Мунди”, – а также уже ставший культовым роман “Дни трепета”. Вечность и повседневность, реальное и фантастическое, смех в конце наметившейся драмы и печальная нота в разгар карнавала – главные черты этой остроумной прозы, утверждающей, несмотря на все тяготы земной жизни, парадоксальную радость бытия.

Содержание

Вальсирующая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Марина Москвина

Вальсирующая

Сборник

Вальсирующая

Только что прошел ливень, и вода еще потоками стекала с крыши по жестяному желобу в переполненную бочку,

нам ее присоветовала купить у проезжих шаромыжников соседка Женечка, жена Генки-милиционера: бежит вдоль забора, кричит: “Искра, Маруся, бочки привезли, такая нужная вещь, ну прямо без нее никуда...”

Надо было видеть наши с мамой недоуменные лица, когда мы эту бочку подкатали к нашему крыльцу и мама сказала, немного поостыв: я знаю, что делать с этой бочкой, в ней будет сидеть твой отец, как Диоген.

С веток и листьев капала вода, шевелилась, теплилась, струилась по канаве под мосточком, сооруженным давно когда-то плотником Пал Иванычем, он тогда еще нам построил дровяник, деревянную “душевую”, куда, конечно, никто не собирался проводить никакого душа, и туалет из сосновой доски с двумя очками, где за тридцать лет никто и никогда не сиживал... плечом к плечу.

Зато единственное ведро с компостом, выстеленное по дну мясистым лопухом, под насмешливые комментарии картофельного человека Афанасия, гибнущего в неравной борьбе с колорадским жуком (“Лёха, ты что там – клад ищешь?”), всегда выносил Лёшик и закапывал под забором:

– Почему содержимое этого ведра, – задумчиво спрашивал он порой, – закапываю всегда я, а больше – никто и никогда?

Сынок с юных лет отзывался беспечно:

– Потому что тебе это интересно!

– Да. Мне интересно, – Лёша говорил. – Но я этот интерес

вызываю в себе искусственно и всячески его подогреваю, думаю, что там, в этой яме, может быть, найду оружие с времен войны или флаг партизанский...

Я тогда Лёшика очень ревновала к одной самодеятельной артистке: замороженная его талантом, она взялась похаживать к нему в мастерскую, резать засучив рукава колбасу на вернисажах в его рубашке, и в один прекрасный день Лёша мне признался, что-де у него есть знакомая девушка-мим (а то я не знала!), так вот, она будет у него на выставке среди сшитых мной даблоидов фланировать совершенно голой.

Где-то я уже писала об этой его симпатии, драматизируя мои страдания, умалчивая о том, что когда разжигала печку в Уваровке, мне попался газетный обрывок с ее портретом. Ослепленная яростью, я собралась изорвать его в клочья, но вдруг осознала, что каналья, прикрыв глаза, с блаженной улыбкой сидит в позе созерцания – так Будда в роще между Гаей и Урувиллой сидел под деревом бодхи, наслаждаясь светом обретенного Всеведения.

Не то чтобы я преисполнилась почтением к ее великосвятости, врать не стану. Но что мне было делать с этим портретом? Бросить в горящую печь? А оригинал оттащить за волосы, следуя пылким возлюбленным Пикассо? Однако плутовка предусмотрительно была острижена под ноль, что делало невозможной праведную битву.

Искра меня поддерживала со всех сторон, подставляла дружеское плечо, ей и самой вечно приходилось быть наче-

ку, Галактион до сих пор, на своем девятом десятке, – катастрофический любимец женщин. Однажды мать моя, она работала на телевидении, попросила Галактиона (у него была шикарная бирюзовая “Волга” с серебряным оленем) привезти на студию артистку Элину Быстрицкую.

По мягкой повадке и глубоко проникающему взгляду с поволокой звезда экрана мигом поняла, что этот парень не простой возникчий. Он ждал ее в гостиной, пока она не спеша наводила марафет, отвез на студию, ну а потом, говорил мне загадочно, когда Искры уже не было на свете, мы долгое время *перезванивались*. Вдруг он увлекся женой знаменитейшего дирижера, не будем называть имена, – познакомился с ней в троллейбусе! – и зачастил в Дом композиторов, та в секретариате возглавляла приемную комиссию.

Прознав об этом, Искра (а от нее никогда никому ничего не удавалось скрыть!) нацепила бабушкины очки – верней, роговую оправу без стекол, – выудила из сундука всклоченный парик, доставшийся в наследство от ее героического отца, старого подпольщика, соратника Ильича (именно вождь пролетарской революции настоял, чтобы девочку назвали в честь первой большевистской газеты!), накинула какую-то хламиду – и в таком виде явилась в секретариат Союза композиторов.

Мигом определив соперницу (женщины у старика-отца были, как говорится, на один покрой), Искра поинтересовалась, какие нужны документы для вступления в Союз.

Опасливо поглядывая на бетховенскую шевелюру соискателя (а куда деваться-то? У них там и не такие типы проходят чередой!), та отвечала через губу, мол, понадобятся клавиры, партитуры и перечень произведений, из которых следует хотя бы минимальный навык владения композиторской техникой.

– И предупреждаю, – она добавила противным голосом чиновничьим, – у нас в приоритете качественная академическая музыка, так что заявки лиц, сочиняющих авторскую песню, джаз и прочая, будут рассматриваться в последнюю очередь.

– Это почему же? – въедливо заметила Искра, как раз равнодушная к джазу и авторской песне.

– А вы, собственно, в каком жанре работаете? – спросила наша гипотетическая разлучница.

Именно в эту минуту дверь отворилась, и на пороге обозначился Галактион с тортом и гвоздикой.

Повисла пауза.

– В жанре “...и прочая”, – ответила моя доблестная мать. После чего поднялась и с достоинством удалилась.

Ни скандалов, ни выяснения отношений – про обоюдный визит в Союз композиторов никто не проронил ни слова.

Однако тема была закрыта.

Не раз и навсегда, конечно, боже упаси, но эта глава нашей жизни благополучно завершилась.

Лишь несколько лет спустя благородный Галактион явил-

ся домой под утро. Подозреваю, виной тому были балерины Большого театра, которым он дважды в неделю за полчаса до репетиции тщетно вдалбливал в гладко причесанные головки с пучками на затылках основы марксизма-ленинизма. Они впархивали в аудиторию на пуантах, порою в перьях и балетных пачках, слушали вполуха, а потом звали его на утреннюю репетицию или – вечером, если не заняты в спектакле, на Садово-Каретную “к Сашеньке Годунову”. Зато на экзамене в присутствии представителей горкома, вручая балетной фее билет с вопросом, Галактион напоминал, понизив голос:

– Вы, конечно, помните, что пять признаков империализма – это...

Стараясь не шуметь ключом в замке, он вкрадчиво просочился в прихожую, где стояла Искра, не сводя с него испытующих глаз. А далее произошло нечто, приводящее меня до сих пор в ужас и восторг. Отец сомкнул на переносице брови и пророкотал неожиданно строго, как Зевс-громовержец с вершины Олимпа:

– ...ДЕТИ...НАКОРМЛЕНЫ???

Софокл гордился бы таким драматургическим ходом, Шекспир посыпал главу пеплом в иных мирах, что не его осенила эта гениальная реплика. Искра, конечно, тоже ее оценила, поскольку сама была сценаристом и знала толк в вылетевшем как воробей слове, снайперски попавшем в цель, в нечаянной фразе, полностью менявшей дело, поэто-

му ей не страшны были бури и фьорды худсоветов.

Станут отсматривать материал о покорителях целинных земель по ее сценарию, а там хлеборобы заходят в столовую, усаживаются, давай ложками стучать, и все до одного – в ушанках.

– За стол садятся, не молясь и шапок не снимая, – с укором продекламирует главный.

Искра мгновенно под этот видеоряд настрочит:

“Сильные ветры дуют в степях Казахстана. Снимут хлеборобы шапки, простудятся, кто будет хлеб давать стране?”

Она обладала феноменальным даром лавировать между Сциллой с Харибдой и выкарабкиваться из любых ситуаций, связанных с освещением бессмысленных затей вершителей наших судеб, таких, как перекрытие Енисея, возвеличивание царицы полей кукурузы и прочее. Был забавный случай, когда она привезла съемочную группу в какой-то подмосковный совхоз, вывели директора для интервью на кукурузное поле: “Камера!..” А он стоит, смущенный: кукуруза ему по грудь, не то что у других – выше головы и “с ручками”. Но до тех-то – ехать и ехать. А этот – вот он: гора Ай-Петри возвышается над кукурузными метелками и что-то бубнит себе под нос про неблагоприятные климатические условия.

Искра ему: “А вы присядьте...”

– Не нам сетовать на эпоху, в которую выпало жить, – говорила Искра.

Она прошла всю войну, с 61-й армией дошла до Берлина, вернулась в Москву от Эльбы.

“Здравствуй, дочка! – писала мне Искра в пионерский лагерь. – Вчера я выступала в библиотеке имени Льва Толстого с надетыми на вельветовый пиджак медалями – своими, мамы и тети Ани, некоторые даже были одинаковые. Сказали, что будут восьмиклассники, а запустили третий класс. Тут уж я развернулась, они у меня только охали, ахали и хохотали. Мне потом учительница сказала: «Вы поняли, что это были не аплодисменты, а овация?»».

– У меня главный талант – стереоскопическое зрение, – она говорила. – Это обнаружилось в армии, когда я служила на дальномере. Я понимала, какой самолет ближе в небе, какой дальше, – без специального оборудования.

Такое исключительное зрение на всей зенитной батарее оказалось у двоих – у нее и друга детства Зинкиной. Еще у них была подруга Светка. Ее маму, Веру Самойловну Бронштейн (такая же фамилия была у Троцкого!), арестовали перед войной, а следом и Свету, обе четыре года просидели в лагерях, не ведая друг о друге. Хотя Света потом говорила, что в лагере никто не “сидит”, там совсем другая задача.

Зинкина после войны работала хирургом в Боткинской больнице. Муж ее, Бородай, их комбат, жизнелюб и донжуан, красавец, грудь колесом, косая сажень в плечах, а как он пел – в окопах, в землянке, под латаную-перелатаную шести-струнную гитару, не сводя с Любы Зинкиной влюбленных

глаз:

Ты будешь пидносить гранату,
Шоб ворога подлого бить...

Бородай пережил два инфаркта, оба сопровождались остановкой сердца. Дважды Зинкина запускала мужу сердце, в сорок два года и в пятьдесят восемь. И оба раза он потом уезжал в санаторий с другими женщинами. Она ревновала, пукалась вдогонку, обрушивалась как снег на голову...

– ...Третий раз она уже не стала, – вздыхает Галактион.

Галактиону же всё сходило с рук. В отличие от Лёшика: скандал, который я закатила ему по случаю рискованного проекта с мимом, по сей день вспоминают наши соседи, хотя с той поры много воды утекло в нашу бочку с крыши.

Искра Лёшу высоко ценила и утверждала, что он всегда будет ее зятем, даже если перестанет быть моим мужем. А когда я умру, говорила, он единственный не будет распускать нюни, а всё сделает, что полагается в таких случаях.

Как-то раз, когда я готовилась стать матерью, а Лёша готовился к очередной выставке, она повезла меня отдыхать в Юрмалу. Прошло три недели. От Лёшика – ни строчки. Я каждый день ходила на почту, пыталась дозвониться домой, всё было напрасно.

Вдруг мне на почте вручают письмо. Разворачиваю листок – и что я вижу?

“Моя дорогая возлюбленная Маруся!!! Как я тоскую, просто не могу передать. Днем и ночью я думаю только о тебе, особенно ночью, когда погаснут окна и зажгутся фонари, тогда мне хочется только одного – прижать тебя к своей груди и не выпускать из объятий до самого восхода солнца... Хотя мои слова лишь бледное отражение того, что я чувствую...”

Я затрепетала. Даже в лучшие наши дни Лёша не писал мне таких поэтически-страстных писем.

“Почему тебя нет сейчас со мной? – продолжал он. – Одиночество приводит меня в отчаяние, то ли дело с тобой, о моя Маруся!..”

– От Алексея? – заглядывает Искра через плечо. – Ну что, что он пишет?

– Неважно! – отмахиваюсь, с жадностью поглощая строку за строкой.

“Ты не представляешь, как ты нужна мне! Возможно, порой я кажусь тебе холодноватым, я мало говорю тебе слов любви, но пойми, что ты необходима для меня – как воздух...”

– Про Галактиона что-нибудь есть? – не унимается Искра. – Что там в Москве? Какие новости?

– Потом, потом...

“...Я думал, такое бывает только в романах или в кино. И вот я сам готов бросить всё, купить билет на Рижском вокзале в кассе дальнего следования и мчаться к тебе, подстегивая машиниста, браня за нерасторопность...”

Смутное подозрение шевельнулось во мне. Стиль не Лёшика, да и почерк какой-то не его... Я покосилась на Искру – и обнаружила, что она еле сдерживает смех.

“Стоит мне подумать о тебе, – я стала вглядываться в каждую букву, – как мои чресла наполняются страстью...”

Это был почерк Искры, плавный, округлый. Как я могла обмануться? Вот она – магическая сила иллюзии, которая лежит в основе феноменального мира.

– Какая же ты дура, – сказала Искра. – Я просто хотела пошутить. Ни почерк не изменила, ничего. А ты вся надулась от важности как пузырь.

Впрочем, и от него вскоре прилетело письмецо – до восстребования – с коротеньким содержанием:

Справляю нужду.
Направил струю
На куст глициний...

– Мужайся, – подбадривала меня Искра. – Тебе надо пробудить в нем страсть!

И раздобыла специальные капсулы – биодобавку к пище. Запомнить просто: “Вешние воды”, “Ася”, “Записки охотника”: так звали возлюбленную Тургенева, певицу и пианистку – “Виардо”. Шесть штук три раза в день во время еды, каждые пять лет увеличивая по одной капсуле.

– Может, он и тобой заинтересуется! – радостно предположила Искра.

Лёша намека не понял, заметил на бегу, что это отличная профилактика атеросклероза, и стал меня ими заботливо потчевать – “для мозгового кровообращения”.

Однако снадобье подействовало – вскоре он зашел на кухню и воскликнул с невиданным энтузиазмом:

– Тебе помочь... разломать макароны?

Еще халва “Дружба” – она где-то вычитала – вызывает интерес к подруге жизни. Лёша съел две упаковки, а укладываться спать, как обычно, намного раньше меня, – ласково проговорил:

– Пойди сюда, я пожму твою руку!

Искра веселилась, когда я ей это рассказывала.

Сама она, воплощенное сострадание, доброта и человечность, решительно и грозно давала отпор соперницам. Как-то одной претендентке позвонила по телефону и – с места в карьер:

– Вы что же, любите моего мужа?

– Да не люблю я, не люблю вашего мужа! – та крикнула и шваркнула трубку.

– А я люблю своего мужа, – торжествующе произнесла Искра, выключая диктофон, куда она записала телефонный спарринг и дала прослушать потрясенному Галактиону.

– Чем я не Михаил-архангел, сокрушивший лукавого? – она спрашивала горделиво.

Я же, чуть что, шарики за ролики, мозги набекрень, мечусь, как летучая мышь, высвеченная из темноты автомо-

бильными фарами, хватаю зачитанного до дыр “Будду-сут-тапитаку” и – на вокзал, на подножку уходящего поезда, сто дорог распахнуты передо мной и десять сторон света – четыре основных и четыре промежуточных, а также зенит и надир, – каким-то дуриком улетела в Хабаровск... Обычно это очень плохо кончалось.

Или напьюсь и набедокурю, бессильная произвести чудо, после чего себя чувствую, как вытоптаный московский дворик. (“Ах, все-таки московский”, – замечает Лёшик, спустившийся в мою жизнь с далеких Уральских гор...)

Я, которая давно дала себе клятву жить в гармонии со своим хаосом и заблуждениями, а также с хаосом и заблуждениями всех живых существ, по сей день не могу избавиться от подростковых страданий и не наломать дров. А уж раньше-то, когда сил было побольше, обязательно совершала какой-нибудь кульбит или, бери выше, – сальто-мортале, благополучный исход которого могла гарантировать только Искра.

Раз как-то Лёша, почуяв зов неизвестно чего, собрал свой чемодан и сказал:

– Человек, Марусенька, должен быть как ветер. Ветер-то не остановишь. А если ты остановился – какой же ты ветер? Что за ветер, который остановился?.. И с этими словами улетел в Париж, где собрался устроить перформанс в одной галерее современного искусства. Идея была исключительно миротворческая: из мешка извлекаются две плюшевые кар-

ты – России и Европы, начиненные оружием, сшитым из тряпочек, – и раскладываются на полу. Далее хирургическими щипцами – так называемым зажимом Кохера – из их нутра, как из тел, пораженных злокачественными образованиями, вытаскиваются бомбы, танки, ракеты и пушки. Завершив очистительную процедуру, художник вкладывает в них два красных любящих сердца, затем обе карты прикалывает булавками к стене, а надо сказать, что обе они напоминают человеческие очертания, из потайных полостей выуживаются две руки, припиливаются к стенке, будто жених с невестой держат друг друга за руку, а над головами, как при венчании, прицепляются две короны.

В заключение перформер накидывает на себя Плащ Славы, в котором заключено сияние, излучающее сверкание и блеск, вместо римской фибулы защелкивает края на груди зажимом Кохера, достает из мешка огромное сердце, вынимает оттуда белого голубя, надевает сердце себе на голову, как чалму, верхушкой вверх, так что полые вены и аорта ниспадают у него по спине, и, превратившись в жреца или заморского гостя с голубем мира, под марш Мендельсона совершает обряд венчания России и Европы.

Его приятель, абстракционист Николка Чесноков, рассказывал мне: это было что-то грандиозное, хотя вокруг стоял ужасный шум, производимый видеоинсталляциями других участников, но там, где колдовал Лёша насчет всеобщего разоружения, царил тишина, как в центре тайфуна. Когда

же грянул свадебный марш и Лёшик распахнул объятия человечеству, к нему на грудь пала одна француженка ненормальная, которая, не сходя с места, решила порвать все привязи этого мира и стать верной спутницей этому распоясавшемуся миротворцу. К тому времени век в очередной раз расшатался, сограждане через одного посходили с ума, политики взбесились, а здравый смысл вылетел в трубу. Все так ослаблены Кали-югой. Никола, например, из Парижа переехал “на Кёльнщину” и там осел, напрасно в Москве ждала его жена с ребенком – дочь известного советского скульптора и младенец Виктор, Чеснок ассимилировался без остатка.

Дни летели, а мой Лёша молчал как рыба.

Я позвонила куратору Нинке, та давно возвратилась в Москву и уже замышляла новую выставку андеграунда. Нинка отвечала уклончиво, удалось лишь выведать какой-то сомнительный номер их общей знакомой. После долгих гудков откликнулся девичий голос на чистом французском, который я тщетно зубрила в юности, да напрочь позабыла (всё выветрилось, под метелку, кроме полностью неуместного в данном случае “*Mes filicitacion!*” – “Я вас поздравляю!”), мне сообщили, что Лёша – “на Блошином рынке”.

– Пусть он позвонит домой, когда вернется! – крикнула я через леса, через моря, призвав на помощь Вишну, Шиву и Парижскую богоматерь.

В ответ мне почти пропели что-то вроде: сюда, увы, он больше не вернется...

Какую-то поэтическую строку, лишаящую последней надежды.

Сказать, что я была в ярости, – ничего не сказать, я просто слетела с резьбы и в своем сокрушительном гневе обратилась в разящего огнем и мечом демона-асура. Бремя страданий мира легло мне на плечи. Я была унижена, оскорблена, раненое самолюбие требовало отмщения. Лицо Лёшика то и дело вспыхивало предо мной – из слепящего света или из крошечной тьмы. Я бросила перчатку Франции и объявила ей вендетту. Гнев мой сотряс Небо, и сдвинулась Земля. И как было во времена Ноя, и как было во времена Лота, все ели, пили, покупали, продавали, женились и строили дома, вдруг солнце и луна померкли, звёзды посыпались с небес, и стала темной вся страна, и как во времена Ноя – начался потоп, и как во времена Лота – пролился дождь из огня и серы. Столпы дыма взвихрились над Эйфелевой башней, повсюду бесперебойно работали гильотины, я жгла корабли и мосты, особенно пострадал мост Поцелуев, полыхали вокзал Сен-Лазар, Латинский квартал, Елисейские Поля...

“О, шанзелизе!...” Последний день Помпеи отдыхает в сравнении с тем, что я с вами сделала в дни скорби и печали.

Если бы не Искра, которая страстно любила Париж и всё, что с ним связано, – пусть даже это лохматая красная шапочка, привезенная ею в расцвете лет, – в тот единственный раз, когда ей удалось побывать во Франции почему-то с делегацией казахов, и всегда она фигурировала, эта шапочка,

то – как фундамент весенней элегантности, то – как счастливый талисман, и в ней же, слегка облезшей, но так и не утратившей с годами шарм, Искра холодными осенними ночами до последнего спала в Уваровке – страну постигла бы судьба разрушенной Бастилии, от сих великих зданий не осталось камня на камне, очищающее вечность пламя поглотило бы Париж и перекинулось на другие города...

– Ну-ну, не надо крайностей, – урезонивала меня Искра, возвращая на место Францию, восставляя и воскрешая. – Наши с тобой мужья вряд ли пустятся во все тяжкие. Галактион в свое время побаивался парторганизации. А Лёша – уральский интеллигент во втором колене. Пойми, они оба – сторонники половинчатых мер...

Я же – вместо того чтобы разорвать путы и привязанности к этому миру – беспощадно раздербанила наш с Лёшей старый добрый диван, который когда-то собственноручно скрепила суровой нитью, ибо он регулярно разваливался под нами, причем без всяких видимых причин. Засучив рукава, мокрые от слёз, портновскими ножницами вспорола шов, легла на оставшуюся половину и стала просматривать брачные объявления в “Спид-инфо” с фотографиями людей пусть и не устроенных в жизни, но не теряющих надежды встретить родную душу: кто любит копать в огороде, кто уважает классическую музыку и хорошую книгу, москвич, инвалид шестидесяти шести лет, ищет жену до сорока четырех, можно азиатку (жил несколько лет в Ташкенте), можно

с детишками...

– Я простой писатель и недостойна жить с гением, – говорила я Искре, отмечающей всех без разбору мужчин, которых я отмечала красной галочкой, – мне нужен муж проще и неказистей!

Пока Лёшик пропадал на чужбине, спрятав свое тело на Северной звезде, я ждала событий, которые в корне переменят мою историю. Смолоду меня привлекали исключительно яркие артистические натуры. Мой анамнез любви мог бы лечь в основу мюзикла, с успехом идущего на Бродвее, ария героини начиналась бы строкой: “Где ты вообще их откопала?” Полный набор – от обаятельнейших невротиков до клинических сумасшедших! Если их выстроить в ряд, получится такая шеренга духоборцев, ни один здравомыслящий человек даже не рискнет приблизиться! Что тебе надо было от них от всех? Что ты искала в дебрях этих душ?

Но и теперь – в своем возрасте безумном, когда утром тебе – семьдесят, днем – пятьдесят, вечером едешь в метро, на тебя кто-то посмотрел – двадцать пять, а к ночи – девяносто... Надо ли порывать с вековыми устоями и менять приоритеты?

На углу Тверской зажигал трубач полукриминального вида в кожаной шляпе, длинном черном пальто распахнутом, в жилете и белой манишке с бабочкой. Он поймал на лету мой прицельный взгляд, подмигнул и поддал такого жару, что неподалеку стучавший палками по картонным коробкам

инвалид, седой, всклокоченный и краснолицый, аж прямо зашелся на своей ударной установке. В памяти выплыли порочные усы Джона Гальяно, вкупе с ковбойским антуражем джазмена они буквально семафорили о том, что от этого знакомства можно будет не обрадоваться.

Еще один был соискатель, не скрою, здорово подвыпивший.

– Мадам, – он церемонно обратился ко мне в троллейбусе, – хотите скажу, какое у меня хобби? Я выращиваю грибы шиитаке, японский лесной гриб рода лентинула, семейства негниючниковые. Вы спросите, как протекает процесс? Берутся куски дуба с дубовыми опилками, травой и перегноем, туда погружаются семена, и те довольно скоро прорастают, поскольку шиитаке, чтоб вы знали, – сапротрофный макромицет!

“Ботаник”, – я подумала, представив, как вернется Лёша, а по всей квартире – увесистые деревяшки с перегноем и прорастающей семьей негниючниковых.

– Наверняка вам будет любопытно, – не унимался мой ходячий справочник, обдавая собеседника алкогольными парами, – что шиитаке в Азии предпочитают мертвый кастанопсис, ну, на худой конец, сойдут для сельской местности монгольский дуб с амурской липой.

– ...А между прочим, – он мне крикнул вслед, – лентинулы полезны от рака молочной железы!..

– О! Это нам как раз подходит, – заметила Искра, прослы-

шав о моем знакомстве.

Мне было лет пятнадцать, когда у Искры обнаружили то, о чем он повел разговор. Это случилось как раз перед Новым годом. Искра пыталась отложить операцию до лучших времен, чтобы нам вместе встретить Новый год. Но ее попытки убежать от судьбы разбивались о неумолимую Зинкину, как волны о гранитный утёс, ту не переупрямишь. В старости, уже маленько без тормозов, она переходила поверху Тверскую улицу: “Да пошли они к чёгту! Обьедут!” – Зинкина грассировала. Девочкой на вопрос “что ты больше всего любишь?” она отвечала: “Шпготы и могоженое”. В июне сорок первого – сразу после выпускного бала – они подали заявления на фронт. Пока ждали повестки, учились на курсах медсестер в Филатовской больнице. На первой операции Зинкина грохнулась в обморок. “Эта, – презрительно бросила профессор Елизарова, – никогда не будет врачом...” – “Нет, буду!” – сказала бледная как смерть Зинкина, поднимаясь с пола. И что же? Сорок лет оттрубила в хирургическом отделении Боткинской больницы, двадцать из сорока – заведующей отделением.

Она самолично прооперировала Искру, сутками не отходила от нее в реанимации. И провела с ней в палате новогоднюю ночь: нарядила елку, до краев наполнила кружки клюквенным морсом, чтобы жизнь лилась через край (морс – полезная штука, особенно при химиотерапии!). Помню жуткий мороз и у нас в квартире – постоянный запах клюквы. Ба-

бушка варила морс для Искры, а клюкву держала за окном, чтоб не размораживалась.

Мне так было страшно идти в больницу, я боялась увидеть ее беспомощной, сломленной, погасшей. Но когда меня пустили к ней с нашей клюквой в китайском термосе “фуку мару”, мать моя еле слышным голосом, очень слабым, объявила себя амазонкой, обитающей на краю ойкумены и лишенной правой груди, чтобы ей удобнее было стрелять из лука.

– Нет, ты просто разборчивая невеста Купердягина, – смеялась надо мной Искра. – Хотела бы я посмотреть на твоего избранника, которым ты соберешься уесть Лёшу!

Тут в Москву нагрянул “Караван странствующих театров мира”. Они раскинули шатры в парке ЦДСА, клянусь, я ходила и выбирала самым серьезным образом какой-нибудь незамысловатый шарабан, представляя себя сумасшедшей, святой и взъерошенной Джельсоминой из кинофильма “Дорога”. Только ребенок сдерживал меня, больше ничего, мальчик всегда побаивался, как бы я не отчебучила что-то в этом роде или не пустилась бы с бухты-баракты за каким-нибудь медоточивым заморским гуру.

Сёко Асахара мне приглянулся в свое время, заворожив меня своим заоблачным пением.

– Только не бросайся к нему в ученики! – предупреждал сынок.

Мы так были связаны, мы почти не расставались, с какой

любовью написал он когда-то в школьном сочинении с ошибками в каждом слове: “У маей мамы самые большие глаза, самый большой нос и самая длинная улыбка...” Но когда вырос, вдруг сказал, что, в сущности, не помнит меня в детстве, что всё детство прожил с бабушкой, а я только и работала за прикрытой дверью, сочиняла какой-то роман.

– Как же так? – я воскликнула. – А карусели, а мороженое? А парходик, весь в огнях, на Азовском море? Как мы плавали в черной луже в Голубицкой? И катались на тройке с бубенцами? Как мы строили замки из мокрого песка и ели чебуреки?... Может, бабушка тебя и родила? – спросила я растерянно.

– А в семье неандертальцев вообще никто не помнит, кто чей сын, – отозвался Лёша. – Чуть ослабел, его – ам! И съели.

Заслышав такие речи, старый Галактион (Искры тогда уж не было с нами) обратился к своему внуку, как раз незадолго до этого ставшему отцом:

– Пускай твой сын пишет мне расписку, что я ему за молоком хожу на молочную кухню, – пророкотал он. – А то скажет потом: “Даже за молоком мне никто не сходил ни разу!...”

Хорошо, вечером заглянул приятель Володька Парус, тоже писатель; оказывается, оба его сына – Ратмир и Ратибор, но в основном Ратмир – постоянно предъявляют ему претензии, что он для них ничего не сделал: и в школе они учились – обыкновенной, для наркоманов, и всё остальное отнюдь не было на высшем уровне.

“И что? – Парус им говорит. – Я учился в Ростове на Хатынке, у нас прямо в школе шприцы валялись, что ж я, наркоманом должен быть? А у меня в юные годы совсем другая царила атмосфера дома. Дедушка ваш ночью с гулянки вернется, ему бабушка – скандал, потом драка начинается, я его держу, а он распояшется, дерется, окно выбил, мне стеклом вены перерезало – у меня кровь хлещет, а он пьяный... У вас было такое?”

– Ничего не помнят, – махнул он рукой. – Они из школы приходят – дверь ногой открывают, у меня уже обед готов! Я только и бегал от печатной машинки – на кухню! Ни что их в университет устроили и пять лет платили, ни что всюду брали с собой – и в Пицунду, и в Коктебель... Прямо бзик какой-то: как придут – так и начинают. И постоянно пытаются меня переориентировать в жизни: старший предлагает устроить экскурсоводом от своей фирмы – возить в Турцию туристов... А я научился сразу уходить с собакой или просто в другую комнату, или начинаю в ответ на это про свое детство рассказывать...

Я сразу приободрилась, мне-то казалось, у нас единичный случай, а тут целое поветрие.

– Всё это ерунда, – сказала я. – Вот моя подруга Элька была чудовищной дочерью, только и орала на свою маму, вообще не могла с ней в квартире находиться, говорила: “А ты иди погуляй”. Но когда тетя Римма взялась умирать, видели бы вы, как Элеонора ее проводила в последний путь! Спер-

ва деньги, сколоченные на зубы, шубу и ремонт, ухнула на светила медицины, потом задействовала лучшие мемориальные службы Москвы, на поминках потчевала родственников осетриной... Теперь всё время проводит на кладбище, красит и перекрашивает скамейку с оградой, вывесила скворечник, разбила там райский сад и навела до того ослепительный порядок, что вместе с мусором случайно выбросила какую-то коробочку, судя по всему, с прахом своей бабушки. А когда спохватилась и прибежала обратно, контейнер уже вывезли на свалку.

– Видишь? Может, и наш сын тоже будет такой... – мечтательно проговорил Лёшик.

А впрочем, Искра так пестовала внука, так сеяла в нем разумное-доброе-вечное, декламировала ему в младенчестве на сон грядущий “Евгения Онегина”, почесывая пяточки, научила азбуке Морзе, какими-то правдами и неправдами исхитрилась добыть кубик-рубик, когда никто о нем и слыхом не слыхивал, купила избушку в Уваровке, чтоб мальчик дышал свежим воздухом. Чуть что заболит – прикладывала коллекционный пяточок 1962 года, именно 62-го, в 62-м, она утверждала, на пяточки пошла самая целебная медь... Водила во МХАТ на “Синюю птицу”, в Большой – на “Лебединое озеро” (где его потрясла люстра, сильнейшее впечатление произвел буфет, “...а в остальном – скучища!!!”). Поэтому-то он и запомнил встречи с Искрой, что это было сплошным фейерверком.

Чёрт, как же все-таки сложно укорениться в реальности – у каждого своя мифология, построенная по подобию реального мира. Глядя на человека в цилиндре и с бакенбардами, который умопомрачительно сосвистел Моцарта, причем не “Маленькую ночную серенаду” – но целую Симфонию соль минор, на карлицу, летавшую на огромных воздушных шарах: зрители подставляли ей ладони – она отталкивалась и взлетала, на двух гимнастов, мужчину и женщину, творивших такое под куполом на канате, что просто мороз по коже, – я спрашивала себя: что сделать, чтобы божественная жизнь не ускользала от нас?

Я возвращалась домой, когда на “Театральной” в вагон вошла пожилая дама с холстом и мольбертом и ее спутник в круглых очках, бейсболке, с черной папкой, пакетом и фанерным чемоданчиком. Два пиджака, горящие глаза, возбужденная речь – всё говорило о том, что в нем воплотился – не то что мой идеал, который я лелеяла всю жизнь, но интригующий типаж.

– Вот в Кембридже... – он произнес, усевшись напротив.

– Ну-у, то в Кембридже, – ответила художница.

Потом она вышла, а он стал ёрзать, как сорока на колу, ощупывать карманы, откуда, ошетилившись, торчали ручки, забарабанил пальцами по дерматиновой папке, перехваченной резинкой... Внезапно уперся в меня взглядом и спросил:

– А ты не хочешь попробовать себя на сцене?

Я говорю:

– Кто? Я?

– Тихо, тихо, – он сел со мной рядом. – Есть одно дело – вполне респектабельное. У меня заболела партнерша, аккомпаниатор, лауреат серебряной премии имени Роберта Шумана.

– Его звали Роберт? – спросила я.

– Не перебивай, – сказал он строго. – Ты можешь мне подыграть? Петь? Танцевать? Пантомима? Гитара дома есть? Пианино?

– Н-ну, в общем... – я вдруг вспомнила, что с утра читала свой гороскоп. Там было сказано следующее: вы пережили период сомнений и оказались на широкой дороге, разветвляющейся на множество путей, причем каждый из них – верный. Вы мудры, у вас прекрасная интуиция, мир предвещает вам безусловную победу, ведь всё вокруг абсолютно совершенно, а вы уверены в своих деяниях. Мир говорит вам “да”...

Вот как вышло, что из всех мужчин, столпившихся у моих ног, я снизошла лишь к одному джентльмену удачи, который уверенно обосновался в моей квартире. Звали его Костя Городков.

Друзья у меня всегда были странные, так что поначалу мальчик не слишком обратил на него внимание. В бейсболке – пластмассовым козырьком назад – мой импресарио нервной походкой сразу же устремился на кухню.

– Я ведь артист, акробат, гимнаст, – сказал он, крепко прижимая к себе пакет, в котором, как он объяснил, находится его межрепетиционный костюм. Жара стояла страшная, я предложила снять хотя бы один пиджак, но он наотрез отказался. С кедами тоже предпочел не расставаться, может, и к лучшему. Стакан за стаканом он выпил всё молоко из холодильника, после чего я гостеприимно предложила ему капусты и макарон.

– Каких макарон? – спросил он деловито.

– Белых, с дырочками...

– Мучное, жирное, острое – это мне нельзя, – сурово сказал он. – Я ведь акробат, артист, жонглер...

Но всё ж, обстоятельно подкрепившись, он перешел в гостиную упругим гимнастическим шагом и только сел на диван, как телевизор сам включился на полную громкость и стал переключаться на другие программы, пока не остановился на сериале “Корона Российской империи”. Мы с мальчиком переглянулись удивленно. Потому что пульт лежал на шкафу и его никто не трогал.

– Давай минимально расставаться? – он предложил мне, совершенно обалдевшей от шума и эксцентрики. – Тогда мы успеем к понедельнику. Кстати, напомни завтра позвонить, договориться, чтоб тебе дали ставку от Министерства культуры.

– А что мы будем делать? – я все-таки спросила.

– Значит так, – глаз у него заблестел сатанинским блес-

ком. – Ты будешь одновременно – и Коломбина, и Пьеро. Ты внешне здорово смахиваешь на Андерсена. Тебе надо работать в лирико-комическом ключе. Жанр – шуточная подтанцовка. А я тебя тенором прикрою. Я хорошо пою, издаю разные механические звуки, демонстрирую иллюзион – ты, главное, жару поддавай, и больше жизни! Прокатимся со свистом по городам и весям от Москвы до Владивостока, – звал меня в светлые дали Костя, пространно намекая на головокружительные суммы, которые нам светят. – Мы утром сможем прорепетировать?

– Н-но...

– Чует мое сердце, ты хочешь сузить диапазон моих чувств, – и он лукаво погрозил мне пальцем, дескать: да, пока слава не коснулась его чела и он еще не увенчан лаврами, но в нем бурлит такой непочатый край любви и прочих мужских достоинств – любая станет счастливейшей из женщин, черпая из этих запасов.

– Ладно, твоя взяла, спать так спать, – вздохнул он и бросил якорь на кухне, у нас там стояла корявая собачья кушетка.

К моей чести, я не предоставила ему Лёшину половину дивана, которая отныне могла дрейфовать по всей квартире, а в случае чего – и за ее пределами.

– Хоть на полу, но у радиоточки, – сказал Городков. – Мне надо утром прослушать рекламу. Ты не возражаешь, если я перевезу к тебе свой телевизор? У меня там есть ленинград-

ская программа. Нет ничего лучше, – важно произнес он, – чем посвятить себя искусству или уйти в бедуины.

В изумлении смотрел на него сынок, ему тогда было лет двенадцать. А когда на сон грядущий нам позвонила Искра поздравить с Днем стандартизатора (“А кто это?” – “Это такие люди, которые делают, чтобы всё было одинаково!”) и поинтересовалась, нет ли у дорогого внука каких-нибудь пожеланий, которые она могла бы осуществить в самое ближайшее время, он мрачно ответил:

– Я хочу пива и мороженого!

Гость уgomонился, всё затихло, и тут дикий ужас объял меня. Я поняла, что осталась ночью в квартире с полнейшим сумасбродом! Что я стала жертвой миража, поддалась наваждению, фата-моргане. Я перебирала в уме рассказы о чудовищных загадочных преступлениях, которые были совершены в больших городах и долгое время оставались неразгаданными, нераскрытыми, все мыслимые беды, которые могли мне грозить, – ограбление, какое-нибудь ужасное черное злодейство и даже смерть от руки убийцы... Что там у него на уме, одному богу известно. А я с ребенком – и без Лёши!

К тому же он спросил перед сном:

– А твой муж не бросится нас догонять, если мы уедем с фольклорным ансамблем?

В ту ночь я узнала, что бывает с человеком, когда он обращается в слух. Весь человек становится одним огромным сверхчувствительным ухом. Каждый шорох, шелест, тишай-

ший скрип половицы – и мне казалось, ОН крадется по коридору, прижав к своим чреслам подозрительный пакет с неизвестным содержимым.

Я долго лежала, оцепенев от тревог, боясь уснуть, потом решительно встала, оделась, пошла на кухню, толкнула дверь, но та не открылась: он забаррикадировался от моего вторжения!

Тогда я включила свет и в щелку проговорила:

– Друг! Я погорячилась, прости. Молю тебя, поезжай к себе...

– Ты что? Полвторого ночи! – слышался из-за двери сдавленный голос. – Такси не поймает, а если поймает, то дико сдерут!

– Послушай, – сказала я, с грохотом отодвигая пирамиду стульев. – Я дам тебе денег на такси, а ты иди домой.

– Некуда мне идти, – он сел на кровати, спустил голые ноги, руки положил на колени, сидит – такой белый, гладкий, в родинках и веснушках. – Нет у меня – ни дома, ничего.

– Где ж ты ночевал, например, вчера?

– На вокзале, – сказал он. – И позавчера тоже. Я хочу спать. Можно я останусь тут до утра? Клянусь, я уйду на рассвете, и ты больше обо мне не услышишь.

Утром, когда я проснулась, его уже не было, на кухне подушка с одеялом и простыней лежали, скатанные в рулон. Мы с мальчиком возрадовались, зашевелились, заходили, забормотали себе под нос утренние молитвы. Слава богу, мое

кратковременное помрачение рассудка обошлось без трагических последствий.

И что я так страшно перепугалась? Будда всегда пребывает в мире, но мир не причиняет ему вреда. А наш приبلудный Городков – просто бездомный фантазер, помешанный на эстраде, он грезит и сам верит в свои мечтания, как станет премьером труппы, которая разыгрывала в его воображении такие чудесные скетчи.

Пусть он без гроша в кармане и его мало кто понимает, успех его обошел, а он не унывает, сохраняет оптимизм, с пакетом, чемоданчиком, в двух пиджаках, лихой бейсболке... Он еще продикует миру свои диковинные условия, тем более в эпоху упадка, когда изъяны циклического существования доканывают даже меня, практикующего йога, ищущего свободы от круговерти рождений.

Так я сидела за кружкой кофе, пытаюсь вырваться из капкана эгоизма, постигая эфемерную природу человека вообще и свою собственную в частности... когда между шкафчиком и плитой смиренно засветился его пакет, ясно давая понять, что его хозяин – псих со справкой, посредством каких-то таинственных чар готовый поступить в приживальщики к любому, кто укроет его от дождя и полуночной росы. Тотчас зазвонил телефон.

– Ну что? – бодро произнес знакомый тенор. – Я договорился в Министерстве культуры, там дали добро. Едем завтра в Тверскую область на гастроли...

– Завтра я не могу, – отвечаю упавшим голосом.

– Ладно, – это было само благодущие, – вечером приду, и мы с тобой всё хорошенько обсудим.

Что делать в таких случаях, до сих пор не пойму. Весь всклокоченный, сияющий, он звонил в дверь, невзирая на мои яростные протесты, и я сдавалась под натиском стихий. Я швыряла трубку, выставляла его пакеты на лестничную клетку, воздвигала преграды на уровне домофона... Тогда этот сукин сын набирал номера соседних квартир и жалобно канючил:

– Откройте скорее, я принес пиццу в двести двадцать третью квартиру. А у них домофон не работает. Ну откройте скорее – пицца остывает! Я вам русским языком говорю – остывает пицца! Вы что, не понимаете? Алё...

Глядь, он опять топчется на пороге!

Я даже придумала познакомить его поближе с Элеонорой, та всё хотела выйти за какого-то югослава, отправилась к нему в Югославию, а он живет на ферме и пасет свиней. Она сразу поняла, что этот свинопас вряд ли превратится в принца, да и меня мигом раскусила.

– Пора тебе от своего туманного буддизма перебираться в ясный и прямолинейный иудаизм, – сказала Элька. – Зови участкового, и дело с концом!

Но я никак не могла собраться с духом вызвать милиционера, ибо учение, которое я исповедую, считает непопулярными подобные меры... Погибнет сей мир, иссякнет великий

океан, растите любовь, о смертные, сострадание, нежность, стойкость... И помните незыблемо, что рождение и смерть – проявление космической иллюзии... Точка. Про милиционера – ни слова.

А пока я мучилась, соображая, как мне возвыситься над обстоятельствами, произошли многие чудесные вещи.

У Галактиона защитился его аспирант, в семьдесят пять лет стал кандидатом общественных наук, последним специалистом по Берлинской стене, поскольку – пока он тянул с диссертацией – Берлинская стена пала. Галактион им страшно гордился, потому что все считали это клиническим случаем.

В нашей избушке в Уваровке кто-то разбил окно, в поисках неведомо чего перевернул весь дом и утащил две банки смородинового варенья, которое прошлым летом наварила Искра.

– Ну и хорошо, – махнул рукой Галактион, приехав и оглядев учиненный кавардак. – Хоть чайку попьет с вареньицем, а то всё водку да водку!

В Симоновском подворье замироточили иконы. Искра и я, мы отправились в храм подивиться такому странному феномену. У Параскевы Пятницы и святого Валентина мироточили плащи. У Пантелеимона – губы в масле, точно по излучине губ, “Семистрельная” Богородица умягчения злых сердец покоилась под стеклом сплошь в каплях мирры, один Василий Блаженный оставался сухой, не повелся на коллектив-

ную аномалию.

Искра подала записочки, поминальные и за- здравные, за- ранее приготовленные, где у нее насчиталось в общей слож- ности полторы сотни человек. Батюшка ей это поставил на вид и усомнился к тому же, что все ее подопечные крещеные.

– Отец Александр, – зашептала она, – теперь очень боль- шой начальник. Помолодел, вставил золотые зубы. Запугать меня хотел, что какая-то девушка записывала некрещеных, и ей стало не везти. Но меня этим не запугаешь. Я всё рав- но буду всех поминать и тебе давать вписывать! Кстати, твой Городков у меня там тоже фигурирует. Чтобы у него всё на- ладилось в жизни, и он покинул тебя... хотя бы к моменту наступления Судного дня!

– Константин – житийный персонаж, заветный человек, его привела к тебе паломничья дорога, – говорила Искра. – Однако нам от него нужно как можно скорее избавиться!

Будто мы действительно имеем свободу выбора, а не толь- ко играем роль в этой драме жизни. К тому же Костя совер- шенно растопил сердце Искры, подобрав аккорды к ее люби- мому романсу, и они вечерами душевно пели под гитару:

Пусть впереди всё призрачно, туманно,
Как наших чувств стремительный обман.
Мы странно встретились, и ты уйдешь
нежданно,
Как в путь уходит караван.

Вообще, он был полон сюрпризов, кунштюков, каких-то феерических воспоминаний, мог ни с того ни с сего произвести: “Когда я в первый раз попал на Аляску...” или, разглядывая яйцо, сваренное ему на завтрак, вдруг заявить:

– Откуда яйцо? Такой идеальной формы? Какая же красивая курица его снесла! А почему оно такое темное – с острова Пасхи?

Вдруг сообщил, что в детстве на Плющихе рос вместе с пареньком, тот пошел по художественной части и, кстати, высоко вознеся: недавно даже баллотировался в член-корреспонденты Академии художеств, Болохнин его фамилия, Илья Данилович Болохнин, может, слышали? Главный художник в “Стасике”...

“Где-где?” В Музыкальном – Станиславского и Немировича-Данченко. Он – человек заслуженный, именитый... А Константин – простой артист, музыкант, гимнаст, акробат, жонглер... Прямо не верится, ей-богу, что когда-то во дворе гоняли вместе на великах. “И с той поры не виделись?” Нет. Но Костя Городков следит за успехами друга. Щелкнув замочком, он вытряхнул из обтерханной папки пожелтевшие газетные вырезки – всё про художника Болохнина.

– Костя! – сказала Искра, взволнованная его рассказом. – У них на той неделе премьера “Бориса Годунова”. Наши едут снимать, можем вместе сходить на прогон.

Городков чуть с ума не сошел, когда это услышал. У него

был пульс – сто восемьдесят ударов в минуту, пришлось мальчику сгонять в аптеку, чем он был ужасно недоволен.

– Я извиняюсь, что я такой нервный, – отвечал на его угрюмое бурчание Костя, укладываясь на мои подушки с таким видом, как сказал бы О. Генри, словно это не плут и проходимец, а обладатель чистой совести и солидного счета в банке. – Искра Витальевна, принесите мне чаю с лимоном и дайте к чаю шоколаду...

– В скором времени я собираюсь оформить инвалидность, – вдруг он заявил, помешивая сахар в чашке. – Тогда мне будут полагаться бесплатные билеты в театр.

– И на каком таком основании? – поинтересовалась Искра.

– У меня простата не в порядке, – пожаловался Городков, – шум в ушах, геморроидальные узлы и камни в желчном пузыре. Надо бы поменьше нервничать, правильно питаться и вести регулярную половую жизнь. Друзья мои, – воскликнул Костя, приняв на грудь рюмку корвалола, – прекрасен наш союз, он, как и мы – неразделим и вечен...

– Неразделим – еще куда ни шло, – ответствовала Искра, – но вечен ли – не знаю...

В условленный день Искра велела Городкову принять душ, выдала чистые трусы, носки, майку из Лёшиного гардероба, и – при полном параде – они отбыли на “Бориса Годунова”, оставив нас с мальчиком очухиваться от этого бреда, которому ни конца не видно было ни края.

Они явились в театр и, прогуливаясь в фойе среди портретов убиенного царевича Дмитрия и царевича Алексея, пророков, царей и чудотворцев, увидели Болохнина, тот разговаривал с дирижером Колобовым и, разумеется, ни малейшего внимания не обращал на Костю, зато Костя Городков мгновенно узнал друга и со слезами кинулся к нему на шею: это была встреча Максим Максимыча и Печорина.

– Боже мой! – воскликнул Болохнин, глядя на Костю, как на явление нематериального мира или существо лесных чащ. – Представьте, Женя, – сказал он Колобову. – Это мой друг детства Костя. Мы жили в одном дворе. Мне было пять лет, а ему восемь. Он хотел играть с нами, а его заставляла мачеха играть на гобое. Сквозь мутное стекло дрожащими руками он показывал нам дудочку. Я ее хорошо помню и могу нарисовать.

– А помнишь, – лихорадочно бормотал Городков, – помнишь, как мы врезались друг в друга, и ты сделал мне “восьмерку” на велосипеде, на переднем колесе!

– Да, – вздохнул Илья Данилович, – и, наверное, нарочно...

– Ну, мне пора, – сказал великий дирижер хрипловатым голосом, ласково похлопав Костю по плечу: предстояло историческое исполнение “Бориса Годунова” в самой первой авторской версии Мусоргского, еще даже не опубликованной в академическом собрании сочинений, и маэстро нервничал.

– Мне тоже, – сказал Болохнин. – Проводите господина

Городкова в бельэтаж, – попросил он билетера.

– А ты выскочил? Выскочил в членкоры? – крикнул Костя, с обожанием глядя на друга. – Что??? Качать адмирала?!

Болохнин только рукой махнул.

И хотя на сцене бушевало лиловое с золотым и царило неопишное великолепие, – рассказывала потом Искра, – а Яшка с Чупиным снимали в партере, я всё же краем глаза поглядывала на твоего Городкова: он рискованно свесился с бортика, судорожно срывал и надевал очки, потом вдруг яростно сдернул их и весь обратился в слух.

В финале, по словам Искры, с пакетом и чемоданчиком Константин Городков проследовал за кулисы и таинственно исчез в кулуарах.

На мое счастье!

Ибо спустя некоторое время, совсем небольшое, под шансон “*O, Paris...*” в исполнении Ива Монтана прилетела открытка с Эйфелевой башней, залитой огнями, на марках пламенели символы братства и свободы – Марианна во фригийском колпаке, душистая лилия, галльский петух, далее – текст, начертанный тончайшим рапидографом:

“Дорогие мои! Я по вас очень скучаю – скоро увидимся, и я вас крепко обниму и поцелую: Марусю нежно, сына – горячо, а тещу – от всего Сердца!”

За одну за эту открытку Искра Лёше готова была всё простить – так нашего брата, склонного ко греху и поминутно

готового оступиться, поддерживает могущество слова вкупе с десницей ангелов, конечно.

Нет, я не собиралась сходить с тропы войны, как у нас водится, у искателей Истины, а встретила бы изменщика скалкой. В мыслях уже прокручивался канонический сценарий. “Завтра подаю на развод, – объявляю торжественно мужу. – Где разводятся в этом лучшем из миров? Где? В милиции?” Стоп! В милиции – это слишком! Вдруг нас обоих посадят за такие скандальные дела. Тут всплыло давно забытое слово загс, куда нас когда-то Чеснок вез на белых “жигулях” с куклой на капоте.

К тому же мне сон приснился – я, набывшись, мрачнее тучи, а Лёша на пороге: “Да ладно тебе, Маруся, проще надо смотреть на жизнь!” А у меня на пальцах растут грибы шиитаке на длинных ножках, вот я их отрываю, бросаю на пол, а на месте прежних вырастают новые! Проснувшись вся в поту, пошла на кухню, накапала себе корвалола, оставшегося от Городкова, и настрочила ответ, в котором говорилось...

– ...Какая банальность, – вздохнула Искра, ознакомившись с моим посланием, – даже не верится, что такую чушь могла написать моя дочь. Запомни: смысл трагических любовных посланий заключается в том, что ты бесконечно счастлива и празднуешь жизнь, но если этот мудрошлеп вернется, то всё будет даже еще прекрасней, чем сейчас...

Интуитивно почуяв расстановку сил, Лёша по дороге домой заглянул к Искре с Галактионом – провести, тот же ли

у него статус в семье, ведь минуло немало лун с тех пор, как муж мой стал излучать свет и беспрепятственно двигаться по всей земле.

А эти всепрощенцы до того взыграли духом – что приняли в объятия блудного сына, строго-настрого запретив мне обрушивать на него потоки слез и упреков.

– Твой загулявший муж не ожидал со мной встречи в таком формате! – радовалась Искра. – Я вылила на него ушат доброжелательности!

– Теперь он едет домой, причем не с пустыми руками, – докладывал Галактион.

– Алексей везет тебе красный тряпичный жилет, – спешила Искра с благой вестью. – Только попробуй выкинуть его в мусоропровод! Это очень нужная штука, особенно если угодишь в снежную лавину, тебя хорошо будет видно с вертолета!

– Где та порода мужиков, – искренне удивлялся Галактион прямо в параллельную трубку, – которые спят со всеми встречными-поперечными, а потом звонят и веселым фальшивым голосом говорят: “Дорогуша...”

Зять возвращается в лоно семьи, преодолев моря и горы, пустыни и овраги, преграды сезонов, климатов и календарей, чтобы порадовать свою Марусю, вот что, единственное, имело для них значение. И вообще, что мы хотим от человека, который приделал лампочки к ботинкам и с каждым шагом раздвигает вселенскую тьму? Тем более нам удалось

сбыть Костю Городкова с рук, а то, представляешь, говорила Искра, какое бы вышло нагромождение разных дурацких обстоятельств? Мы еще дешево отделались!

Но если бы в “Стасике” на очередном “Борисе Годунове” хор и оркестр, среди которых было много крупных женщин, очень малооплачиваемых и озлобленных на жизнь, а также тучных пожилых мужчин, если б эти героини народного духа при полном зале не объявили забастовку, так что солистам, старым несчастным людям, пришлось исполнять фрагменты под аккомпанемент рояля в фойе (лишь отзвуки арфы звенели в их сердцах...), – мы бы никогда не узнали, куда как сквозь землю провалился Городков.

В театре тьма-тьмушая закоулков, полостей и уголков, так что поначалу Косте не составляло труда раствориться среди пышных балетных декораций, гримерок, оперной мишуры, машинерии, мастерских, кулис и прочая.

– Костя так прижился, а мы все, прижившись, обнаглеваем, – рассказывал Илья Болохнин, когда Искра с Яшей и Чупиным приехали снимать восстание хора и оркестра против администрации. – Сидит Костя на спектакле, Колобов дирижирует, а Городок у него за спиной, нога на ногу, и вдруг тихонько начинает подсвистывать. Колобов, не оборачиваясь: “Костя!..”

Пиджак у Болохнина в елочку, жилет в елочку, ах, как это пошло бы нашему Галактиону, думает Искра, где, интересно, Болохнин отхватил такой пиджак?

– Пиджак у меня английский, – тот отвечает, будто прочитав ее мысли. – Пиджак должен быть английский, а пояс – из какой кожи? Ну, угадайте?

– Из анаконды? – стала гадать Искра. – Из крокодиловой?

– Нет, из страусовой...

– Ты лучше не надо, не злись. Когда человек злится, он выглядит уже не таким симпатичным, как раньше, – увещевала меня Искра. – К тому же учти! – добавляла она. – Не столь важен факт, как мы к нему относимся.

Но именно она же могла произнести, как бы между прочим:

– Так что, Алексей, ты нам изменил?

Хотя я ее сто раз просила не вмешиваться не в свои дела.

– Да, – Лёшик отвечал, погружаясь в пучину печали. – Мне нет прощения, и я готов искупить свою вину.

Он надевает свитер, лыжную шапочку, варежки, шарф и носки, связанные мной с любовью за годы совместной жизни. А сверху плащ, в котором вернулся домой Одиссей после долгой разлуки к своей Пенелопе, и в связи с этим плащом из уст его по возвращении изошел монолог, окончательно обескураживший нас с мальчиком: “Этому плащу, – забормотал он, не раздеваясь и, собственно, ни к кому не обращаясь, – ...этому плащу никакой дождь не страшен. Соскочишь на ходу с подножки вагона и идешь, идешь в полях вдоль поблескивающих рельсов, один- одинешенек на всем на бе-

лом свете... Тут грянет гром, разверзнутся небеса – и как захлобыщет ливень, как зарядит на три дня и на три ночи! А я – вот, смотри! – и он распахнул предо мною полы плаща, как это делают иллюзионисты, фарцовщики и эксгибиционисты, – сухой в пух и прах, – торжествующе закончил Лёша, – укутанный с головы до ног непродуваемым ветрами, непромокаемым плащом!..”

– Прощайте, – говорит он Искре, – я оставляю вам квартиру, которую вы купили для своей единственной дочери в престижном спальном районе с чарующим видом на междугороднюю автобусную станцию, любимого сына, обладателя ангельского характера и удовлетворительной успеваемости по некоторым предметам, даже свой старый добрый проигрыватель с двумя колонками, поскольку Маруся любит слушать виниловые грампластинки, хотя настал век иных технологий, однако над моей женой не властно время.

– Ну-ну, Алексей, не надо крайностей! Главное, что ты не изменил родине, – спохватывается Искра. – А то мы уже, грешным делом, – она понижает голос, – подумали, что тебя завербовала иностранная разведка.

– Если б вы знали, как мне там не везло! – восклицает Лёша, невинный, непорочный, согретый ее философским отношением к жизни. – Я хотел задышать иным воздухом, воспарить над земной суетой, но постоянно оказывался жертвой коварства и обмана. Нервы обнажены, ты все время на взводе, в саду Тюильри позабыл на скамейке бумажник с биле-

тами и деньгами! Перед посещением графини Уткиной на бульваре Сен-Дени под платаном сел на какашку. Меня все кинули, я заболел – какое-то полное рассогласование энергетических потоков. Поймите, – молил он с душевной тоской, – Маруся – мой дом, моя крепость, мой дым отечества, любовь к отеческим гробам! А там просто пиковый интерес, душевный подъем, минутная слабость...

– Я понимаю тебя как никто! – сочувственно отзывается Искра. – Когда мы выходим на финишную прямую – ну, в смысле, во второй половине жизни, то начинаешь неизбежно ощущать, что мы живем в царстве абсолютно преходящих феноменов.

И тут же – мне:

– Кстати, почему ты не свяжешь ему штаны? Пояс верности туда бы ввязала – и от радикулита хорошо!

Господи, Светодавец, очисти, разукрась, облагоухай, во тьме же нощней просвети светом свыше, преложи горесть нашу во сладость и слёзы утри и скажи: кто видит этот сон? У меня сохранились воспоминания о ранних моих годах, они всегда со мной и становятся всё отчетливей. Некоторые невозможно передать в словах, они живут в моем сознании как образы. Я даже не уверена, был ли на самом деле тот обрыв над рекой, очень звездная ночь, Искра показывает мне Марс: он на глазах приближается к Земле, но мне совсем не страшно, ведь мама держит меня за руку. А на дальнем бе-

регу – костер – Марс и костер – и они такие красные оба!

Теперь я сама не понимаю, мои ли это воспоминания или чьи-то еще, присвоенные мною? Людей, которые могли бы подтвердить, что так и было, уж нет на этом свете, и даже будь они живы, то помнили бы всё по-другому. Лишь руко-творное имеет объективную реальность, например, наш Рома из Оренбурга, двоюродный брат Галактиона, когда заболел, похудел, жить ему оставалось недолго, дети пригласили его в Израиль, сделали ПМЖ, взяли билет на ночной бесплатный рейс через Москву, Искра и Галактион с ним, как с ребенком. А перед отлетом Рома пошел в хозяйственный магазин, купил дверную ручку и прикрутил ее к двери в туалете. Много лет эту ручку никто не мог починить, кого только ни вызывали, все в один голос: сейчас таких ручек нету, другие не подойдут. А Рома сделал. Сказал Искре: “Вот память будет тебе обо мне...”

Где парусник Беллинсгаузена “Восток”, пустившийся открывать Антарктиду, его макет нам задали по географии в четвертом классе, тот изначально ненадежный шлюп, имевший никудышный ход, пробоину в обшивке и тридцать три несчастья на борту? Искра тогда припозднилась, я легла спать в отчаянии, оставив записку: “«Восток» Беллинсгаузена развалился! Завтра будет пара”.

Утром просыпаюсь – на табуретке у кровати в коробке из-под торта навстречу сахарным громадам льда, снегам из ключев ваты пробивается “Восток”, над палубой развеваются

знамя и выплел на длинном флагштоке... Подняты белые паруса на мачтах-спичках, за штурвалом из половинки катушки вахту несет матрос, раскачивается бумажный фонарь на бушприте, северное сияние полыхает на крышке коробки, и славный мореплаватель Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен с заиндевелой бородой, в лисьей шапке, в меховой куртке и унтах по лестнице из зубочисток поднимается на капитанский мостик!

...А спустя годы, когда я и сама являюсь за полночь домой, звоню родителям, – я знаю, они ждут звонка, – и возмущенный Галактион грохочет в трубку: “Как же на это прореагировал твой обманутый муж?” – Искра ему кричит из своей комнаты: “Да наши обманутые мужья живут лучше, чем у других – необманутые!...”

И никогда не могла смолчать, ей это было не по силам.

– Я теперь знаю, как прерывать поток слов, – говорила Искра. – Надо просто зажать себе рот рукой и так стоять, пока не... А если все будет продолжаться, по крайней мере, никто больше ничего не услышит!

Правда, одна эта мера не помогала, видимо, предполагались еще какие-то дополнительные, неведомые ей ухищрения.

Однажды из далекого, заметенного снегом сибирского городка мне позвонила режиссер драмтеатра Лыжникова, сказала, что хочет поставить мюзикл по моему роману, герой которого нашел на помойке гроб. Вот он приносит его

домой, жена ему учиняет страшный скандал: “Зачем ты, Иосиф, принес к нам с помойки гроб? Да, он крепкий, он пахнет сосновой смолой, он хороший и всем нам как раз, но у нас в нем пока – тьфу-тьфу-тьфу! – нет надобности! Ты интеллигент! Бывший человек искусства! Куда мы его поставим? В каких таких целях будем применять? Пока не представится случай использовать по назначению?” Тот: “Картошку в нем будем хранить на балконе. Или поставим к тебе, Фира, в комнату около батареи, станем гостей туда класть, Толя с Басей приедут из Нижнеудинска...”

Словом, звонит режиссер, говорит:

– Отгадайте, что будет в центре на авансцене, да и на занавесе мы это живописно отобразим? С трех раз!

Я говорю:

– Гроб!

– Точно! – она обрадовалась. – Как вы догадались? С первого раза?

Дело закрутилось, Лёшик мне помог со шлягерами, у него это ловко выходит. Нефтяники им отвалили денег на постановку, Лыжникова соорудила мюзикл в двух частях. Вот они приезжают в Москву на гастроли – не куда-нибудь, в Театр на Малой Бронной, на авансцене действительно гроб. Музыка, декорации, костюмы – всё на высшем уровне. Текст живой, импульсивный: “О, время всеобщего бедлама, – говорит Йося, воздев руки к небесам, – в России царят гнев, страх, сонливость, жестокосердие, я тебя заклинаю, Фира, никогда

никому не открывай дверь!..”

Гроб вырастает до небес, расширяется до вселенских масштабов, персонажи выпуклые, сочные, так они вылеплены скульптурно, каждый со своей интонацией, пластикой фразы, излюбленными словечками, а главное, эта моя фишка – перепад от человеческого к небесному и, несмотря на все тяготы земной жизни, парадоксальная радость бытия...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.